

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.9.01

<https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-4-89-98>

Анализ жизненных моделей как метод исследования домашнего насилия

Аркадий Владимирович Гончаренко

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
psy.arkadiy@gmail.com*

Аннотация

Представлен теоретический анализ проблемы исследования домашнего насилия. Описана разработанная схема исследования, в основе которой лежит концепция жизненных моделей и два ключевых компонента – экзистенциальная вина и потерянные Возможные Я. Показаны эмпирические данные пилотажного исследования в качестве иллюстрации предложенной схемы. В пилотажном исследовании приняли участие 20 человек, критерием отбора респондентов был факт пережитого опыта домашнего насилия со стороны сиблинга. Результаты основывались на выбранных методах: «Методика определения общей и социальной самооффективности», «Диагностика межличностных отношений», «Опросник межличностных отношений», опросник «Жизненные ориентиры», а также «Методика диагностики Возможных Я». Данные были обработаны с помощью сравнительного, корреляционного, дискриминантного и регрессионного анализов. Исследование показало высокую чувствительность к разработанной схеме исследования и позволило выделить группу респондентов с опытом домашнего насилия через специфику их жизненных моделей, которые отличаются от группы респондентов без опыта насилия. Так, например, у респондентов, переживших опыт домашнего насилия, в большей степени выражена потребность в эмоциональной и психологической поддержке от семьи, социальных групп и сообществ по сравнению с респондентами без такого опыта, у которых выражена тенденция к независимости.

Ключевые слова: *жизненные модели, домашнее насилие, сиблинг, переживание, экзистенциальная вина, Возможные Я*

Для цитирования: Гончаренко А. В. Анализ жизненных моделей как метод исследования домашнего насилия // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2024. Вып. 4 (56). С. 89–98. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-4-89-98>

PSYCHOLOGY

Original article

Life models analysis as a method of researching domestic violence

Arkadiy V. Goncharenko

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, psy.arkadiy@gmail.com

Abstract

Existing instruments for studying the experience of domestic violence may not be sufficiently adapted to capture the diverse aspects of the phenomenon. Such an instrument should be oriented to

contemporary cultural and social contexts, allowing for a full exploration of the effects of disruptive experiences in different areas of a person's life. The article is a theoretical analysis of the problem of domestic violence research. The paper presents a developed research design based on the concept of life patterns and two key components – existential guilt and lost Possible Selves. The paper concludes with empirical data from a pilot study as an illustration of the proposed design. The pilot study involved 20 participants; the criterion for selecting respondents was the fact of having experienced domestic violence by a sibling. The results were based on the selected methods: “Methodology for determining general and social self-efficacy”, “Diagnostics of interpersonal relations”, “Interpersonal relations questionnaire”, “Life orientations” questionnaire, as well as “Possible Self Diagnostic Methodology”. The data were processed using comparative, correlation, discriminant and regression analyses. The study showed high sensitivity to the developed research design and allowed to identify the group of respondents with experience of domestic violence through the specifics of their life patterns, which differ from the group of respondents without experience of violence. For example, respondents with experience of domestic violence have a greater need for emotional and psychological support from family, social groups and communities, compared to respondents without such experience, who tend to be independent.

Keywords: *life models, domestic violence, sibling, experience, existential guilt, Possible selves*

For citation: Goncharenko A. V. Analiz zhiznennykh modeley kak metod issledovaniya domashnego nasiliya [Life models analysis as a method of researching domestic violence]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2024, vol. 4 (56), pp. 89–98. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-4-89-98>

Традиционно исследования домашнего насилия фокусируются на социально-нравственных, ментальных или внутрисемейных аспектах проблемы. Тем не менее следствием домашнего насилия становятся глубокие личностные изменения жертв, разрушение их жизненных планов, отказ от планирования будущего. С этой точки зрения изучение жизненных сценариев и жизненных моделей людей, подвергшихся домашнему насилию, может рассматриваться как новаторский метод исследования, который может принести значительный вклад в наше понимание этих явлений. Схема исследования, основанная на концепции жизненных моделей, представляет собой уникальный подход к анализу домашнего насилия – экзистенциальная вина и потерянные Возможные Я становятся существенными компонентами, обеспечивающими глубокий взгляд на внутренний мир тех, кто пережил домашнее насилие.

Для расширения возможностей эмпирического исследования предлагается использовать концепцию жизненных моделей, которые представляют элементы жизненных сценариев, реализуемых людьми в определенных сферах жизни. Они включают в себя содержание и логику жизненных событий, связанных с основными сферами жизнедеятельности человека – область трудовой деятельности и саморазвития, сфера близких отношений (семейные связи, взаимоотношения с родителями, личные отношения и формирование семьи) и личная сфера (отражающая жизненные взгляды человека, его философию жизни, отношение к существованию). В обобщенной форме эти сферы активности охватывают практически все аспекты человеческой жизни [1, 2].

Э. Берн [3], а за ним и К. Штайнер [4] выделяли различные жизненные сценарии и указывали на сюжетные модели личного жизненного пути. Вместе с этим Е. А. Алехина и О. Н. Капиренкова [5] рассматривали жизненный сценарий как психологический феномен, связанный с созданием модели поведения. Они утверждают, что изучение жизненных сценариев позволяет обнаруживать модели реагирования в одинаковых жизненных ситуациях. Здесь же используется концепт «моделирование» – это форма научения через подражание, которая наблюдается в детском возрасте, когда вначале дети имитируют и затем усваивают одобряемые образцы поведения, предпочитаемые их родителями [6]. В контексте передачи культурных образцов или семейных сценариев концепция модели наилучшим образом отражает структуру и содержание данного феномена [7, 8].

Для того чтобы избежать различных ограничений в эмпирическом исследовании переживания негативного опыта (например, домашнего насилия), предлагается применять концепцию жизненных моделей.

Схема исследования

Жизненные модели содержательно описывают ориентиры, которые использует человек, формируя представления о своем будущем. Это область возможного, то есть того, что может быть и то, каким бы я мог быть в своем будущем. Каждая жизненная модель является сложной системой, элементами которой будут ценности индивида, его ожидания от жизни, его убеждения, все составляющие являются результатом жизненного опыта [9]. От них зависит, какие решения принимает человек в конкретной ситуации и какие действия предпринимает. Жизненные модели упрощают для индивида постановку целей и формулировку планов, а также принятие решений. Они предлагают уже готовые паттерны поведения, основанные на тех идеях, которые представляются индивиду удобными или важными [10].

Чаще всего образ будущего напрямую связан с возможными «Я» человека. Однако в ситуации насилия спектр возможных Я сужается, поскольку сфера Я подвергается постоянному давлению со стороны источника насилия. Часть из них перемещается в область отрицаемых Я («Я таким никогда не буду») или становится потерянными. Потерянные Возможные Я вырастают из детства, базисом для их возникновения становятся возникающие в ситуации насилия чувства потери контроля [11]. Эти психологические травмы проявляются во взрослом возрасте, в том, что индивид осознает невозможность быть таким, каким ему хотелось бы или не может достичь поставленных целей.

Это чувство во многом базируется на некоем чувстве вины данного индивида, вины за то, что он имел возможность переломить ситуацию, связанную с насилием, но не предпринял никаких действий – с экзистенциальной виной [12].

Предлагаемая исследовательская схема объединяет в себе все три аспекта: жизненные модели, потерянные возможные Я и экзистенциальную вину. Содержание жизненных моделей включает устойчивые убеждения и позиции, а также ожидания, вытекающие из профессионального и межличностного взаимодействия, а также из процесса развития личности индивида. Эти установки нередко формируются на базе переживания опыта насилия, производимого братьями и сестрами, их в психологии принято называть сиблингами, при этом они выражают вытекающие из этого опыта проявления, относящиеся к эмоциональной и поведенческой сфере человеческого существования [1].

Уже названные выше потерянные возможные Я (lost possible selves) можно с достаточной степенью точности охарактеризовать как более ранние представления о перспективах развития своей личности, это те планы и мечты, которые не удалось реализовать из-за последствий насилия или по иным причинам [12]. И здесь в рамках экзистенциальной философии можно прийти к пониманию этой формы вины как вины перед собственной нереализованной личностью [13].

Если структурно описывать их соотношение (рис. 1), то оно будет выглядеть следующим образом.

1. На инфографике можно увидеть, что вся схема структурируется вокруг центрального компонента – опыта насилия, и в него входят следующие составляющие:

– экзистенциальная вина, вина перед самим собой за утраченную возможность изменить что-то в прошлом;

– потерянные Возможные Я.

2. Далее на схеме представлены три типа переживаний, вызванных насилием:

– проявление в поведении индивида в любых социальных коммуникациях, поведение может меняться, переходить в агрессию или политику избегания контакта;

– проявление в эмоциональных реакциях, среди них следует назвать чувство экзистенциальной вины, тревогу, страх;

Рис. 1. Схема исследования жизненных моделей

– проявление на когнитивном уровне, здесь возникают стереотипы мышления и предустановки в восприятии своей личности и социума.

3. Три основные сферы жизненной активности человека:

а) профессиональная. Здесь он реализует себя в качестве специалиста и испытывает удовлетворение от успехов на работе;

б) межличностных коммуникаций, здесь в отношениях с семьей, друзьями, коллегами, половыми партнерами проявляются такие проблемы, как недоверие к людям и опасение излишней эмоциональной близости;

с) личностная, выражающаяся в принятии своей личности, в поиске возможных и оптимальных Я, в поиске смысла своей экзистенции.

На каждом из уровней можно выделить соответствующие проявления переживания (эмпирические референты) насилия со стороны сиблинга.

Рассматривая уровень поведенческий, можно увидеть, что опыт насилия часто выражается в агрессии или избегании. Эмоциональный уровень подразумевает проявление этого опыта в виде депрессии, страхов или в различных установках, связанных с восприятием насилия. Рассматривая проявления данного опыта на когнитивном уровне, можно увидеть, что он поощряет необъективное восприятие своей личности и окружающего мира.

Важно, что практически в каждой из упомянутых сфер человеческого существования пережитый опыт насилия может проявляться и затрагивать существующие в этих сферах жизненные модели. В профессиональной сфере этот негативный опыт может заставить принимать неверные или неудачные решения в вопросах выбора профессии, места работы, поведения на рабочем месте. Индивид достаточно часто не проявляет потенциала и умения работать в команде, ему трудно взаимодействовать в коллективе, он часто не уверен в своей профессиональной состоятельности.

В сфере межличностных отношений влиянию опыта насилия со стороны сиблинга могут подвергнуться потенциальные отношения с родными и близкими людьми, друзьями, коллегами и партнерами. Очень часто опыт насилия побуждает человека проявлять недоверие ко всем окружающим его людям, у него появляется страх близких отношений. Такой страх основывается на том, что индивид подсознательно опасается повторения насилия. Все это приводит к значительным трудностям в коммуникации с окружающими, человек способен сознательно или ненамеренно поставить себя в ситуацию полной изоляции.

В личностной сфере пережитый опыт также влияет на человека негативно, он не всегда хорошо понимает себя, свои желания и намерения, часто опыт формирует низкую самооценку, неудачными оказываются поиски смысла жизни. Далек не всегда такой человек удачно создает личност-

ные ценности и выбирает идеалы. Как правило, испытывается сильное чувство к себе, неудовлетворенности собой и своим развитием, обычно такому индивиду присуща и неуверенность в своих силах, а это причина невысокой самооценки. Также нередко встречается погруженность в себя, отстраненность от реального мира. Негативный опыт часто мешает увидеть свои реальные возможности и спланировать, как именно они могли бы реализовываться. В этой ситуации возможно появление чувства вынужденно иррациональной беспомощности.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что предложенная схема носит комплексный характер, она помогает наглядно показать составляющие переживания опыта насилия в семье и как последствия этих переживаний способны оказать влияние на сценарии личности, реализуемые на различных уровнях экзистенции.

Предложенная схема представляет собой один из инструментов изучения опыта насилия в семье, проявляющегося в том, как человек «видит» свою будущую жизнь, выстраивает свои жизненные планы. При этом рационально использовать предложенную схему для работы с существующими жизненными моделями взрослых людей, она помогает установить причинно-следственные связи между опытом насилия и теми жизненными моделями, которые реализуются в различных сферах человеческой экзистенции, в особенности в профессиональной, межличностной и личностной сферах. Если предложенная гипотеза будет подтверждена, схема пройдет валидацию, то она окажется применима в качестве удобного алгоритма описания жизненных моделей с учетом их трансформации под влиянием негативного опыта.

Эмпирическая верификация исследовательской схемы

С целью разработки схемы исследования жизненных моделей, которая будет представлять собой комплексную структуру и поможет описать, визуализировать различные аспекты переживания опыта домашнего насилия со стороны сиблинга в основном исследовании, было проведено пилотажное исследование. Таким образом, изначально мы предположили, что исследование определит чувствительность выбранных методик к выдвинутым гипотезам исследования.

Гипотезы:

1. На профессиональном уровне взрослые с опытом домашнего насилия со стороны сиблинга проявляют более низкую мотивацию и успешность в выстраивании карьеры, самореализации и достижении профессиональных целей.

2. На межличностном уровне взрослые с опытом домашнего насилия со стороны сиблинга могут испытывать затруднения в установлении и поддержании здоровых и доверительных отношений с друзьями и партнерами.

3. На уровне сферы «Я» взрослые с опытом домашнего насилия со стороны сиблинга могут испытывать сложности в принятии себя, иметь низкую самооценку и негативные представления о своих Возможных Я.

Всего в исследовании приняли участие взрослые люди ($N = 51$), однако с целью стандартизации выборки при математико-статистической обработке количество респондентов было сокращено до 20 и разделено на 2 группы: 10 респондентов с опытом домашнего насилия в отношениях с сиблингом и 10 респондентов, не имеющих такого опыта. Из них 12 человек – женщины и 8 – мужчины в возрасте от 25 до 40 лет ($M = 29$).

Для гипотез применялись следующие методики:

1. Методика определения общей и социальной самоэффективности (М. Шеер, Дж. Маддукс, адаптация А. В. Бояринцевой) [13], которая согласуется с профессиональной сферой в жизненных моделях.

2. Тест Лири. Диагностика межличностных отношений (ДМО) [14] и Опросник межличностных отношений А. А. Рукавишниковой (ОМО) [15], которые согласуются со сферой близких отноше-

ний. Использовались две методики, чтобы выбрать наиболее подходящую для основного исследования.

3. Опросник «Жизненные ориентиры» (С. Н. Костромина и др.) [2], которая согласуется с персональной сферой, а также предположительно может выявить экзистенциальную вину.

4. Методика диагностики Возможных Я (К. Хукер, адаптация В. Ю. Костенко и М. М. Гришутиной) [11], для проверки присутствия в переживании компонента Возможных потерянных Я.

Полученные данные обрабатывались с использованием следующих методов:

описательные статистики для всех респондентов; сравнительный анализ с помощью U-критерия Манна – Уитни для независимых выборок; корреляционный анализ Спирмена для всех респондентов, отдельно для респондентов без опыта насилия и респондентов с опытом насилия; дискриминантный и регрессионный анализы.

Сравнительный анализ был произведен с помощью U-критерия Манна – Уитни для независимых выборок, в результате которого были обнаружены следующие результаты (табл. 1):

Статистически значимые различия на уровне тенденции по переменным «Близость семьи», «Подчиняемый стиль отношений», «Стремление принадлежать к группе». Для группы с опытом насилия характерны высокие показатели «Близость семьи», «Стремление принадлежать к группе» и низкие показатели «Подчиняемый стиль отношений».

Таблица 1

Статистически значимые различия в группах респондентов

	Без опыта насилия (N = 10)			С опытом насилия (N = 10)			Статистика	
	М	SD	Средний ранг	М	SD	Средний ранг	U	p
Близость семьи	18,90	7,87	7,95	25,10	3,28	13,05	75,50	0,052
Подчиняемый стиль отношений	5,40	2,72	12,85	3,00	3,02	8,15	26,50	0,075
Стремление принадлежать к группе	4,00	1,33	7,95	5,60	1,58	13,05	75,50	0,052

Для группы с опытом домашнего насилия со стороны сиблинга в большей степени свойственна потребность в эмоциональной и психологической поддержке со стороны своей семьи, социальных групп и сообществ. Возможно, семья играет важную роль в поддержании их эмоционального благополучия, и они испытывают сильную связь с членами своей семьи. Они могут искать поддержку, утверждение и принятие со стороны других людей в попытке снизить свое чувство изоляции и уязвимости. При этом данная группа проявляет низкую склонность к подчинению и зависимости в отношениях с другими людьми. Возможно, у них есть тенденция к более автономному поведению, они могут стремиться к контролю и независимости в результате негативного или насильственного опыта в прошлом.

Анализ жизненных моделей респондентов показал (табл. 2), что статистически достоверные значимые различия обнаружены в переменных «Активная жизненная позиция», «Личное благополучие», «Стремление к близости». Для группы с опытом насилия характерны высокие показатели «Активная жизненная позиция», «Стремление к близости» и низкие показатели «Личное благополучие».

Кроме того, для данной группы характерны активность и настойчивость в своих действиях и стремление к достижению целей. Это может указывать на их желание изменить свою ситуацию и преодолеть трудности, связанные с опытом насилия. Они испытывают сильное стремление к близости и интимности в отношениях. Это может указывать на их потребность в эмоциональной поддержке, доверии и принятии со стороны других людей после негативного опыта насилия. Одновремен-

но они сталкиваются с трудностями в достижении личного благополучия, что может быть связано с негативными последствиями опыта насилия, такими как психологические травмы, стресс и потеря самооценки. По экзистенциальной вине и потерянным возможным Я различий не обнаружено.

Таблица 2

Статистически значимые различия жизненных ориентиров

	Без опыта насилия (N = 10)			С опытом насилия (N = 10)			Статистика	
	M	SD	Средний ранг	M	SD	Средний ранг	U	p
Активная жизненная позиция	26,00	5,91	5,50	50,90	10,80	15,50	100,00	<0,001
Стремление к близости	3,60	1,51	6,10	7,10	1,45	14,90	94,00	<0,001
Личное благополучие	27,80	3,01	13,75	23,40	3,63	7,25	17,50	0,011

В результате *корреляционного анализа* для респондентов с опытом насилия были обнаружены следующие статистически значимые корреляции (рис. 2):

– Участники, которые ощущают себя лучше и имеют более положительную оценку своей жизни, также стремятся к близким и поддерживающим отношениям с другими людьми ($r = 0,673$, $p = 0,033$).

– Активная жизненная позиция связана с низким уровнем авторитарного стиля отношений ($r = -0,682$, $p = 0,030$), подозрительного стиля отношений ($r = -0,764$, $p = 0,010$), стремления к принадлежности к группе ($r = -0,713$, $p = 0,021$) и стремления контролировать ($r = -0,663$, $p = 0,037$). Это может означать, что участники с более активной жизненной позицией проявляют меньшую склонность к подчинению, подозрительности, стремлению к социальной принадлежности и контролю других людей.

– Близость семьи связана с низкой деятельностной самооэффективностью ($r = -0,637$, $p = 0,047$). Это может указывать на то, что участники, которые ощущают близость с членами своей семьи, могут проявлять меньшую уверенность в своих способностях и эффективности в собственных действиях.

– Традиции связаны с авторитарным стилем отношений ($r = -0,642$, $p = 0,045$). Это может указывать на то, что участники, которые придерживаются традиций, склонны к более авторитарному подходу в отношениях, включая подчинение и соблюдение установленных правил и норм.

Дискриминантный анализ. Для проверки гипотезы о возможности деления выборки на группы с опытом насилия и без него был проведен дискриминантный анализ в целях предсказания принад-

Рис. 2. Плеяда взаимодействий жизненных ориентиров и стилей отношений у респондентов с опытом насилия

лежности к выделенным группам с помощью измеренных переменных. Использовался пошаговый метод включения переменных.

Итоговая модель включает в себя три независимых переменных, показавших дискриминирующие способности: «Активная жизненная позиция» ($\lambda = 0,305$; $F = 40,943$; $p < 0,001$), «Стремление принадлежать к группе» ($\lambda = 0,193$; $F = 35,502$; $p < 0,001$), «Личное благополучие» ($\lambda = 0,122$; $F = 38,346$; $p < 0,001$).

Показатели для модели: собственное значение 7,19; каноническая корреляция 0,937; Лямбда Уилкса $\lambda = 0,122$, $F = 34,698$, $df = 3$, $p < 0,001$. Классифицированы правильно 100 % исходных сгруппированных наблюдений.

Четкость разделения на группы (функции в центроидах групп) демонстрирует сильный показатель разделения на группы:

- а) без опыта домашнего насилия (-2,544);
- б) с опытом домашнего насилия (2,544).

Разделение выборки на группы происходит благодаря переменным «Активная жизненная позиция», «Личное благополучие» и «Стремление принадлежать к группе» – именно эти переменные позволяют определить, был ли у человека опыт насилия или нет. Это говорит о том, что респонденты, пережившие опыт насилия со стороны сиблинга, во взрослом возрасте могут быть более пассивны в своем стремлении к благополучию и обществу.

Линейная регрессия. Для проверки гипотезы о влиянии переменных на жизненные ориентиры респондентов, а также для подтверждения чувствительности методики к переживанию опыта домашнего насилия был произведен линейный регрессионный анализ для каждого из жизненных ориентиров.

Так, например, для ориентира «Активная жизненная позиция» была построена следующая модель (табл. 3): R-квадрат = 0,734, критерий Дарбина – Уотсона = 1,528, $F = 14,68$, $p < 0,001$. На жизненный ориентир «Активная жизненная позиция» оказывает влияние «Стремление к близости», «Альтруистический стиль отношений» и «Подчиняемый стиль отношений».

Таблица 3

Модель для ориентира «Активная жизненная позиция»

Переменные	B	s	β	p
(Константа)	27,900	6,154		<0,001
Стремление к близости	4,944	0,969	0,742	<0,001
Альтруистический	-1,695	0,685	-0,370	0,025
Подчиняемый	-1,545	0,713	-0,308	0,046

Это означает, что уровень активности жизненной позиции у респондентов может быть объяснен в некоторой степени их стремлением к близости с другими людьми, альтруистическим или подчиняемым стилями отношений.

Результаты пилотажного исследования показывают чувствительность к выбранным методикам, а также их согласованность со схемой исследования жизненных моделей.

В первую очередь участники с опытом домашнего насилия проявляют выраженную потребность в эмоциональной и психологической поддержке от семьи, социальных групп и сообществ – семья играет значимую роль в поддержании их эмоционального благополучия, участники ощущают сильную связь с членами своей семьи и ищут утверждение и принятие, стремясь снизить чувство изоляции и уязвимости. Вместе с тем у данной группы наблюдается низкая склонность к подчинению и зависимости в отношениях с другими людьми, что может быть результатом стремления к автономному поведению, особенно после негативного опыта насилия.

Также выявлены черты активности и настойчивости в действиях участников, что указывает на их стремление к достижению целей и изменению ситуации, связанной с опытом насилия, – они проявляют желание близости и интимности в отношениях, выражая потребность в эмоциональной поддержке, доверии и принятии со стороны других людей.

Участники, оценивающие свою жизнь положительно, также стремятся к близким и поддерживающим отношениям с другими людьми, а их активная жизненная позиция коррелирует с низким уровнем авторитарного стиля отношений, указывая на их меньшую склонность к подчинению и контролю. Однако участники, ощущающие близость семьи, могут проявлять меньшую уверенность в своих способностях и эффективности в собственных действиях, ведь приверженность традициям связана с авторитарным стилем отношений, указывая на склонность к подчинению и соблюдению установленных правил и норм.

Исследование также позволяет сделать вывод о влиянии жизненных ориентиров на различные аспекты поведения и мировоззрения участников, например, активная жизненная позиция коррелирует со стремлением к близости, альтруистическим и подчиняемым стилями отношений. Близость семьи связана с низкой деятельностной самооэффективностью, а традиции влияют на авторитарный стиль отношений. В итоге проведенное исследование предоставляет ценные научные данные о взаимосвязи между жизненными моделями, проявляющимися через конкретные ориентиры в жизненных сценариях и характеристиками участников, что может быть полезным для понимания и поддержки людей, переживших опыт насилия, в их стремлении к личному развитию и благополучию.

Список источников

1. Гришина Н. В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования. 2011. № 3 (17). doi: 10.54359/ps.v4i17.846 (дата обращения: 10.09.2023).
2. Москвичева Н. Л., Реан А. А., Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В. Жизненные модели молодых людей: представления о будущей семье и модели, транслируемой родителями // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 3. С. 5–18. doi: 10.17759/pse.2019240301
3. Стюарт И., Джойнс В. Современный транзактный анализ / пер с англ. Д. Касьянова. СПб.: Метанойя, 2021. 440 с.
4. Штайнер К. Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна. СПб.: Питер, 2003. 416 с.
5. Алехина Е. А., Капиренкова О. Н. Особенности конструктивных и деструктивных жизненных сценариев в юношеском возрасте // Проблемы и перспективы современной науки. 2017. № 17. С. 72–78.
6. Верещагина М. В., Гагулаева А. А. Гендерные особенности представлений студентов о жизненном пути // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24138> (дата обращения: 18.12.2023).
7. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40.
8. Мизинова И. А. Жизненный сценарий личности: основные подходы к рассмотрению // Известия Саратовского ун-та. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 59–64.
9. Life Scripts: A transactional analysis of unconscious relational patterns / ed. By R. G. Erskine. London: Karnac Books, 2010. 312 p.
10. Знаков В. В., Рябикина З. И. Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017. 416 с.
11. Костенко В. Ю., Гришутина М. М. Невозможное я: предварительное исследование в контексте теории Хейзел Маркус // Пензенский психол. вестник. 2018. № 1 (10). С. 20–23.
12. Гришина Н. В. Экзистенциальная психология: учебник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. 494 с.
13. Полухина О. П., Иголкин С. Л. Отношенческий компонент в структуре профессионально-личностной позиции студента-психолога // Вестник ВГТУ. 2014. № 5-2. С. 19–28.
14. Белобрыкина О. А., Шлыкова Е. В. Диагностика межличностных отношений: «Русская рулетка», или Что измеряем «Брендовой» методикой // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 3. С. 45–68.
15. Фомина О. О. Межличностные предикторы психологического благополучия // МНКО. 2017. С. 226–228.

References

1. Grishina N. V. Zhiznennyye stsenarii: normativnost' i individualizatsiya [Life scenarios: normativity and individualization]. *Psikhologicheskiye issledovaniya – Psychological Studies*, 2011, no. 3 (17) (in Russian). URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v4i17.846> (accessed 10 September 2023).
2. Moskvicheva N. L., Rean A. A., Kostromina S. N., Grishina N. V., Zinov'eva E. V. Zhiznennyye modeli molodykh lyudey: predstavleniya o budushchey sem'e i modeli, transliruemye roditelyami [Life models of young people: ideas about the future family and the model transmitted by parents]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye*, 2019, vol. 24, no. 3, pp. 5–18 (in Russian). doi: 10.17759/pse.2019240301 (accessed 18 December 2023).
3. Styuart I., Dzhoyns V. *Sovremennyy tranzaktnyy analiz. Perevod s angliyskogo D. Kas'yanova* [Modern transactional analysis. Translation from english D. Kasyanov]. Saint Petersburg, Metanoyya Publ., 2021. 440 p. (in Russian).
4. Shtainer K. *Stsenarii zhizni lyudey. Shkola Erika Berna* [Scenarios of people's lives. The E. Berne School]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2003. 416 p. (in Russian).
5. Alekhina E. A., Kapirenkova O. N. Osobennosti konstruktivnykh i destruktivnykh zhiznennykh stsenariyev v yunosheskom vozraste [Features of constructive and destructive life scenarios in adolescence]. *Problemy i perspektivy sovremennoy nauki*, 2017, no. 17, pp. 72–78 (in Russian).
6. Vereshchagina M. V., Gagulayeva A. A. Gendernyye osobennosti predstavleniy studentov o zhiznennom puti [Gender features of students' ideas about life path]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2016, no. 1 (in Russian). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24138> (accessed 18 December 2023).
7. Asmolov A. G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya [Psychology of modernity: challenges of uncertainty, complexity and diversity]. *Psikhologicheskiye issledovaniya – Psychological Studies*, 2015, vol. 8, no. 40 (in Russian).
8. Mizinova I. A. Zhiznennyy stsenariy lichnosti: osnovnyye podkhody k rassmotreniyu [Life scenario of personality: main approaches to consideration]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika» – Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, pp. 59–64 (in Russian).
9. *Life Scripts: A transactional analysis of unconscious relational patterns*. Ed. R. G. Erskine. London, Karnac Books. 2010. 312 p.
10. Znakov V. V., Ryabikina Z. I. *Psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [The psychology of being human]. Moscow, Smysl Publ., 2017. 416 p. (in Russian).
11. Kostenko V. Yu., Grishutina M. M. Nevozmozhnoye ya: predvaritelnoye issledovaniye v kontekste teorii Kheyzel Markus [Impossible self: a preliminary study in the context of the theory of Hazel Marcus]. *Penzenskiy psikhologicheskiy vestnik – Penza psychological newsletter PSYCHOLOGY-NEWS.RU*, 2018, no. 1, pp. 20–23 (in Russian).
12. Grishina N. V. *Ekzistentsial'naya psikhologiya: uchebnik* [Existential psychology: textbook]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2018. 494 p. (in Russian).
13. Polukhina O. P., Igolkin S. L. Otnoshencheskiy komponent v strukture professional'no-lichnostnoy pozitsii studenta-psikhologa [Attitudinal component in the structure of professional and personal position of a student-psychologist]. *Vestnik VGTU – Bulletin of Voronezh State Technical University*, 2014, no. 5-2, pp. 19–28 (in Russian).
14. Belobrykina O. A., Shlykova E. V. Diagnostika mezhlchnostnykh otnosheniy: «Russkaya ruletka», ili Chto izmeryayem «Brendovoy» metodikoy [Diagnostics of interpersonal relations: “Russian roulette” or what we measure by “Brand” methodology]. *Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoy Sibiri*, 2019, no. 3, pp. 45–68 (in Russian).
15. Fomina O. O. *Mezhlichnostnyye prediktory psikhologicheskogo blagopoluchiya* [Interpersonal predictors of psychological well-being]. MNKO, 2017. Pp. 226–228

Информация об авторе

Гончаренко А. В., аспирант кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет (Набережная Макарова, 6, Санкт-Петербург, Россия, 199034).

Information about the author

Goncharenko A. V., postgraduate student, Saint Petersburg State University (Naberezhnaya Makarova, 6, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034).

Статья поступила в редакцию 16.12.2023; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 16.12.2023; accepted for publication 01.07.2024